

DOI: 10.31857/S032103910012255-3

ПРОЩАЛЬНЫЙ ДАР

Т. Н. Джаксон

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

Эта статья, написанная для сборника памяти Сергея Тохтасьева и представляющая собою прощальный дар ему, посвящена широко распространенному в древнеисландских сагах мотиву дарения, а конкретнее – прощальному дару. Материалом служит созданная в середине XIII в. «Сага о Кнютлингах». Последовательное рассмотрение пяти описанных в саге ситуаций позволяет заключить, что спектр представлений о прощальном дару в Исландии этого времени был весьма широк. Язык даров был, вне сомнения, хорошо знаком средневековым исландцам, слушателям и читателям саг. Как следствие этого, использование автором саги ситуаций дарения дает ему возможность, сохранив мнимую «объективность» саги, выразить то, чего, в соответствии с канонами жанра, он знать не мог, а именно описать мысли, чувства и намерения своих героев.

Ключевые слова: мотив дарения, прощальный дар, исландские саги, «объективность» саг, «Сага о Кнютлингах», середина XIII в.

A FAREWELL GIFT

Tatjana N. Jackson

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

This paper, written for this collection of articles in memory of Sergei Tokhtasyev and being my “farewell gift” to him, is devoted to the motif of gift-giving that is widespread in the Old Icelandic sagas, and more specifically, to the farewell gift. It is based on the evidence of the *Knytlinga saga* composed in the middle of the thirteenth century. A systematic review of the five incidents described in the saga allows us to conclude that the spectrum of ideas about the farewell gift in Iceland at that time was very wide. The language of gifts was, no doubt, well known to medieval Icelanders, listeners and readers of the sagas. As a result, the use of gift-giving situations by the saga author gave him an opportunity, while preserving the imaginary “objectivity” of the saga, to express what, according to the canons of the genre, he “could not know”, namely, to describe the thoughts, feelings and intentions of his heroes.

Keywords: gift-giving motif, farewell gift, Icelandic sagas, “objectivity” of the sagas, *Knytlinga saga*, mid-thirteenth century

Данные об авторе. Татьяна Николаевна Джаксон – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы ИВИ РАН.

*Надобно в дружбе
верным быть другу,
одарять за подарки...*

Речи Высокого, 42

Название этой статьи, посвященной памяти Сергея Тохтасьева, имеет два смысла. В первую очередь это мой прощальный — и в то же время ответный — дар коллеге, человеку, который дарил мне свое тепло и внимание (как не вспомнить бесконечные письма в открываемой утром электронной почте, отправленные им где-то в середине ночи и содержащие очередную нужную тебе книгу по вполне далекой от него скандинавистике!). А во-вторых, речь в этой небольшой статье пойдет о прощальном даре по древнеисландской «Саге о Кнютлингах» (сер. XIII в.)¹.

Приведя в эпиграфе к своему очерку несколько строф из «Речей Высокого» из «Старшей Эдды», Марсель Мосс начинает свой знаменитый «Опыт о даре» следующим утверждением: «В скандинавской и во многих других цивилизациях обмена и договоры осуществляются в форме подарков, теоретически добровольных, в действительности же обязательно вручаемых и возмещаемых... Свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер» дарений, изученный Моссом на материале «так называемых первобытных обществ, а также тех, которые мы могли бы назвать архаическими»², оказался типичным и для более развитых обществ. Действительно, в европейских культурах средневековья разного рода социальные связи устанавливались и поддерживались путем обмена материальными и нематериальными дарами, которые представляли собой услугу, обязывавшую к услуге ответной. Дарение зачастую имело символический характер, поскольку не только являлось определенным действием, но также несло информацию об участниках обмена: их статусе, характере и перспективах их взаимоотношений³.

Как показал А.Я. Гуревич, «установление дружеских связей, заключение брака, посещение гостей, успешное завершение торговой сделки или мирных переговоров, поминки по умершему, принятие под покровительство и многие другие общественные акты неизменно сопровождалась подарками, которыми обменивались стороны»⁴. Кунг мог одарить своих приближенных и соратников за службу, верность и помощь; в знак дружбы и расположения; в знак благодарности; с целью установления дружеских отношений; в качестве ответного дара; как знак гостеприимства; и в целом ряде других случаев⁵. Отражая повседневную реальность, мотив дарения входит в число устойчивых мотивов устной традиции Скандинавии и фиксируется уже в ранних памятниках письменности. Подарки, согласно сагам, действительно, дарились по самым разным поводам.

Наиболее часто в сагах говорится о вручении подарков при встрече и расставании. Так, в гл. 88 «Саги о Кнютлингах» читаем об отправленном на Русь за невестой посланце датского принца Кнута Лаварда: «Когда же Видгаут был готов, плывет он оттуда

¹ Jackson 2020.

² Mauss 2011, 136–137.

³ См., например, Althoff, Boytsov 2016.

⁴ Gurevich 1984, 235.

⁵ Glazyrina, Jackson 2013.

со своими спутниками, и ничего не говорится о его поездках, пока он не прибыл на восток в Хольмгард (Новгород. — *Т. Д.*) к конунгу Харальду (Мстиславу. — *Т. Д.*) и не завоевал тут же расположения конунга своими подарками»⁶. Смысловая нагрузка мотива дарения при встрече универсальна: приезжающие привозят дары с целью проявить уважение и расположить к себе своих хозяев. Подарок будет свидетельствовать о статусе и состоятельности дарителя. Варианты мотива дарения при расставании разнообразны, их смысл много глубже, чем в описаниях встречи, и, как правило, имеется тесная связь с сюжетом саги. Рассмотрим последовательно пять ситуаций, описанных в «Саге о Кнютлингах».

В центральную часть саги, гл. 28–57, повествующую о Кнуте, сыне Свена Эстридсена, датском конунге с 1080 по 1086 г., который стал первым датским святым королем и первым датским святым, канонизированным папой Римским (в 1100 или 1101 г.), и почитался в народе как мученик⁷, входит, среди прочего, «Прядь о Кровавом Эгиле» (гл. 33–40) — повествование о сложных взаимоотношениях конунга Кнута со своим управляющим на о. Борнхольм, Эгилем Рагнарссоном. Эгиль носит прозвище «Кровавый» за то что однажды, буквально умирая от жажды после тяжелой морской битвы против вендов, в ходе которой все бочки с водой на корабле были разбиты, он, зачерпнув шлемом, напился из трюма воды, смешанной с человеческой кровью. Конунг узнаёт об этом проступке Эгиля, противном духу христианства, и настаивает на том, чтобы тот искупил свой грех и сначала исповедался у священников, а затем принял епитимью. Эгиль обещает так и поступить и перед расставанием приглашает конунга к себе на пир. «Он не пожалел слов, чтобы уговорить конунга принять его приглашение», — говорит сага, а приезд конунга весной на Борнхольм описывает так: «Конунг провел там три ночи на пиру, и был он очень весел. Эгиль преподнес конунгу на прощанье щедрые дары»⁸. Семантика прощального дара в этом случае такова: Эгилю необходимо получить прощение и благорасположение конунга, но исключительно для того, чтобы сохранить за собой управление королевскими усадьбами на Борнхольме. Дружеского жеста в этом дарении, судя по контексту, нет. Как будет ясно из дальнейшего рассказа, Эгиль и не стремится к сближению с конунгом и к искуплению своего греха: еще дважды конунг будет настаивать на этом, и ни разу Эгиль своих обещаний не исполнит, усугубляя ситуацию новыми прегрешениями. Сначала конунг Кнут отстранит его от должности, а закончится всё тем, что конунг велит казнить Эгиля. Прощальный дар здесь служит лишь отсрочкой приближения развязки.

Вслед за «Прядью о Кровавом Эгиле» в саге следует рассказ о восстании бондов против конунга Кнута, одним из поводов к которому послужило опоздание конунга в Лимфьорд, где должно было собраться ополчение со всего государства и куда уже подошло норвежское войско. Ополчение собиралось потому, что Кнут и Олав, сын

⁶ *Knyttl* 88: «En er Viðgautr var búinn, þá siglir hann í brott með sitt fõruneyti, ok er ekki sagt frá hans ferðum, fyrr en hann kom austr í Hólmgarð á fund Haralds konungs, ok heimti hann sík brátt fram í féggjofum við konunginn» (Bjarni Guðnason 1982, 247; переводы саговых текстов здесь и далее мои. — *Т. Д.*).

⁷ См. о нем Hope et al. 2019.

⁸ *Knyttl* 36–37: «Lagði hann þar mǫrg orð til við konung, at hann skyldi þiggja heimboð at honum. [...] Konungr var þar þrjár nætr at veizlunni ok var hann harðla kátr. Egill leiddi konunginn út með stórmannligum gjofum» (Bjarni Guðnason 1982, 156).

Харальда Сурового Правителя (1066–1093), решили объединить свои усилия в борьбе за Англию. Решение об этом было принято предыдущей осенью на встрече датского и норвежского правителей. «Случилось как-то раз, что Кнут, конунг Данмёрка, и Олав, конунг Норега, договорились о встрече друг с другом». На предложение Кнута возглавить этот совместный поход Олав ответил встречным предложением — он воздержится от участия в походе, но даст Кнуту шестьдесят больших кораблей и отберет на них людей из своих личных дружинников. Договорившись о совместном предприятии, конунги расстались, согласно саге, так, как того требовала ситуация: «После этого расстались конунги дружески и обменялись дарами»⁹. Автор саги, конечно же, не располагал информацией о конкретных прощальных дарениях, но, сообщая об этом, он мог быть уверен если не в правдивости, то в правдоподобии своего рассказа. К тому же он смог лишний раз подчеркнуть, что его герои расстались потенциальными союзниками.

В сложные взаимоотношения конунга Кнута и его брата Олава Свейнссона оказываются вовлечены его тесть «герцог Балдвин из Флемингьяланда» и два знатных брата-датчанина, которых «звали сыновьями Торгунны». Предчувствуя возможное предательство своего брата, Кнут отправляет его к своему тестю с просьбой взять Олава под стражу. После убийства Кнута восставшими бондами следующим претендентом на престол был как раз Олав, и к герцогу Балдвину за ним отправились те самые братья. Не желая нарушать наказ Кнута и выпускать Олава, герцог соглашается на это только при условии, что его место в кандалах займут сами братья. Уверенные, что Олав пришлет выкуп, они охотно соглашаются. Но Олав и не думает их освобождать, и спасение приходит в результате чудесного явления к ним в темницу святого Кнута. Приехав после этого к герцогу во второй раз и привезя собранные с большим трудом деньги (только золото и чистое серебро) для выкупа (ибо Олав вновь не счел нужным в этом участвовать), а также вручив ему подарки, «братья оставались у герцога так долго, как им того хотелось. А когда они собрались в путь, преподнес им герцог достойные дары, и расстались они добрыми друзьями»¹⁰. Проще всего объяснить прощальный дар герцога как ответный, ибо братья приехали к нему с подарками. Но мне представляется, что в этом жесте заложено больше смысла. Говоря о дружественном расставании и прощальном даре, автор саги, вероятнее всего, выражал то, о чем он не мог знать в силу объективизирующего характера исландских саг: что герцог чувствовал себя виноватым, так как продержал в темнице столь достойных людей, и хотел хоть как-то искупить свою вину. Эта ремарка о прощальном даре к тому же замыкает сюжет, и больше ни о герцоге Балдине, ни о сыновьях Торгунны речь в саге не пойдет, так что можно сказать, что она выступает и как инструмент членения эпизодов (кстати, нередко применяемый в сагах, где речь идет о встрече саговых персонажей).

Финальные главы «Саги о Кнютлингах» повествуют о походах датских королей Вальдемара I (1157–1182) и — после его смерти — Кнута VI (1182–1202) на герцога Померании Богуслава (1181–1187), рассказывают о продолжительных боевых действиях,

⁹ *Knýtill* 41: «Þat var eitt sinn, er þeir mæltu stefnu sín í milli, Knútr konungr af Danmörk ok Óláfr konungr af Nóregi. [...] Eptir þetta skildu konungarnir með vináttu ok skiptusk gjöfum við» (Bjarni Guðnason 1982, 163–164).

¹⁰ *Knýtill* 68: «Þeir bræðr dvöldusk þar með hertoganum slíka stund sem þeim líkaði. Ok er þeir fóru í brott, gaf hertoginn þeim söemiligar gjafir, ok skildusk þeir kærir vinir» (Bjarni Guðnason 1982, 210).

о гибели множества людей с обеих сторон, сожжении городов и земель, о замышляемых Богуславом (сага зовет его «Бурислав») кознях против Кнута и о том, как в конце концов он признает себя вассалом короля Дании. «Весной перед Пасхой приплыл Бурислав к конунгу Кнуту в Ройскелду (Роскилле . — Т. Д.) и оставался у него на Пасху в очень большой милости, и исполнял у него обязанности меченосца. А когда Бурислав отправился домой, конунг Кнут вручил ему хорошие дары. Они расстались дружелюбно»¹¹. Прощальный дар датского короля своему вассалу мог быть и платой за службу, и подтверждением своего социального над ним превосходства (Бурислав — вассал конунга), и обещанием дальнейшего мира в отношениях. И если это описание расставания конунга и герцога трудно назвать исторически точным, его можно назвать культурологически верным, потому что автор саги не мог создать ситуацию, которую его современники сочли бы неправдоподобной¹².

Последняя история о прощальном даре распадается на две части. В обеих ее частях фигурирует один и тот же дар (он был подарен и передарен), а связана эта история с Кнутом Лавардом, сыном Эйрика I Доброго, датским принцем, герцогом Шлезвигским и бодррицким королем в 1129–1131 гг., убитым в 1131 г. своим двоюродным братом Магнусом Нильссоном.

«Сага о Кнютлингах» ошибочно объявляет мать Кнута единоутробной сестрой Генриха IV, короля Германии (1054–1105), императора Священной Римской империи (1084–1105). Это отступление от истины ведет к тому, что Кнут Лавард и сын Генриха IV, Генрих V, король Германии (1106–1125), император Священной Римской империи (1111–1125) — Хейнрек саги, — оказываются двоюродными братьями, на чем в большой степени основано развитие сюжета¹³. Император помогает своему кузену и материально, и практическими советами. Описывая завершение второго (и последнего) визита Кнута к императору, сага сообщает, что «когда герцог начал собираться в обратный путь домой, дал ему император много драгоценных вещей»¹⁴. Это — классический вариант прощального дара: выражение уважения, благорасположения, родственных связей. Однако на этом дары императора не закончились. Он сказал: «А за те дары, которые Вы мне привезли, отплатю я тем же самым». И за врученные ему Кнутом при встрече в благодарность за полученный в предыдущий визит ценный совет дорогие меха император вручил Кнуту ответный дар — «торжественные императорские одеяния, целиком расшитые золотом и превосходными драгоценными камнями». Дарение сопровождалось просьбой императора не расставаться с этим одеянием: «Потому что, боюсь я, если условие будет нарушено, Вашей славе придет быстрый

¹¹ *Knyíl* 130: «En um várit fyrir páska þá kom Búrizláfr á fund Knúts konungs í Róiskeldu ok var með honum um páskana í allmiklum kærleikum ok bar sverð fyrir konunginum. En er Búrizláfr fór heim, gaf Knútr konungr honum góðar gjafir. Skilðu þeir með vináttu» (Bjarni Guðnason 1982, 320).

¹² Здесь я заимствую выражения из сформулированного по другому поводу заключения выдающегося саговедом Т.М. Андерссона: «Though the scene cannot be shown to be historically true, it must have been culturally true, because the author would have not devised a situation that contemporaries would have found implausible» (Andersson 2012, 32).

¹³ Подробнее см. Jackson 2019.

¹⁴ *Knyíl* 90: «er hertoginn bjósk til heimferðar, þá gaf keisarinn honum margar gørsimar» (Bjarni Guðnason 1982, 250).

конец»,— сказал император. Глава, описывающая это прощание, заканчивается сообщением о том, что император вскоре скончался, и небезынтересной для данного повествования ссылкой на устную традицию: «И говорят люди, что таким свойством обладали те торжественные одеяния, которые император отдал Кнуту Лаварду, своему родичу, что большинству из тех, кто расставался с ними, оставалось жить совсем недолго»¹⁵. Очевидно, что автор саги ссылается не на разговоры подданных императора и вряд ли имеет в виду обсуждение в датской/исландской среде смерти германского императора. Скорее, перед нами очередной инструмент членения/структурирования эпизодов: ссылка на легенду, сохранившуюся в устной традиции, намекает на продолжение истории Кнута Лаварда, которое еще впереди.

История этого подарка, действительно, имеет продолжение, и вновь он оказывается прощальным, и вновь срабатывает заклиятие. Сага переводит политическое соперничество правящего короля Дании Нильса (1103—1134, по саге Никуласа) и его сына и потенциального наследника Магнуса (годы жизни 1106—1134) с другим претендентом на престол, Кнутом Лавардом, в плоскость отношений личностных. Согласно саге, Никулас с Магнусом завидовали популярности Кнута, а «когда Кнут Лавард обнаружил это, он поразмыслил и понял, что у него совершенно нет вины перед этими отцом с сыном». Вероятно, с целью наладить отношения он пригласил их к себе в Хелебю на пир. Дары при встрече не описываются, а вот прощальный дар заслуживает внимания. «Когда подошел тот день, когда им нужно было уезжать, герцог поблагодарил конунга Никуласа за ту честь, которую они ему оказали своим приездом к нему, и подарил конунгу много ценных вещей». В качестве прощального дара Магнусу Кнут протянул ему те самые торжественные одеяния со словами: «Магнус, родич,— сказал он,— вот те одежды, которые император Хейнрек, мой родич, подарил мне, а сейчас я хочу подарить Вам в знак дружбы и искренних родственных отношений». Примечательно его дальнейшее утверждение: «Я буду рад, если тебя это порадует, потому что ты мне отплатишь за это добром»¹⁶. Так в короткой ремарке скрыт весь смысл затеи Кнута с шикарным пиром и подношением подарков — ему нужно обезопасить себя, и он наивно полагает, что за традиционным жестом дружбы последует аналогичный ответ.

Автор саги ведь эту историю не сочиняет — он ее рассказывает, зная наперед, что будет дальше и каким будет финал. Но он не выдает этого своего знания. Вручение дорогих подарков и приглашение на ответный пир («пригласили они его к себе зимой на празднование Рождества») вынуждают автора завершить эту главу вполне

¹⁵ *Knýtl* 90: «en þær gjafir, er þér færðuð mér, skal ek launa einar saman» [...] Þetta vǫru tǫgnarklæði keisarans, ok vǫru þau öll gullsaumud ok enar mestu gersimar. [...] «um þat em ek hræddr, ef þér lógið, at þá sé skömm unaðsbót at yðarri sömd». [...] Litlu síðar andaðiz keisarinn, ok segja menn, at sú náttúra fylgði tǫgnarklæðunum, þeim er keisarinn gaf Knúti lávarð, frænda sínum, at flestir yrði skammlífir þaðan frá, er klæðunum hefði lógat» (Bjarni Guðnason 1982, 250).

¹⁶ *Knýtl* 91: «Ok er Knútr lávarðr fann þetta, leitaði hann sér ráðs ok þóttisk vandliga saklauss við þá feðga. [...] Ok er sá dagr kom, er þeir skyldu í brott ríða, þá þakkaði hertoginn Níkulási konungi þann sóma, er þeir höfðu honum görvan í þangatkvámu sinni ok gaf konunginum marga ágæta gripi. [...] «Magnús frændi,» sagði hann, «hér eru klæði þau, er Heinrekr keisari, frændi minn, gaf mér, en nú vil ek gefa yðr klæðin til vináttu ok heillar frændsemi [...] enda ann ek þér vel at njóta, þvíat þú munt mér þat góðu launa» (Bjarni Guðnason 1982, 251).

традиционным утверждением: «Расстались тогда эти родичи с большим взаимным расположением»¹⁷, — поскольку подобные действия должны были закрепить дружбу, обещать дружбу, но никак не вести к предательству и убийству, которые в действительности последуют.

И вот Кнут приезжает в Рингстед праздновать Рождество. Автор саги по-прежнему не раскрывает ничьих замыслов, а лишь указывает, что «было тогда большое взаимное расположение между конунгом Никуласом и Магнусом, его сыном, и их родичем Кнутом Лавардом». Если мы сравним эту часть саги с рассказом о тех же событиях датского хрониста Саксона Грамматика (нач. XIII в.), то увидим, насколько автор саги связан рамками жанра: в отличие от Саксона он не может говорить о планах и намерениях своих героев, а лишь описывает их слова и поступки. А мы знаем из Саксона (и знает автор саги, до поры до времени скрывая это) о замысленном Магнусом предательстве. Когда пришла пора заканчиваться пиру, события развивались по традиционной схеме. Магнус, согласно саге, сообщил Кнуту, что хочет подарить ему «кое-что на память о себе»: «даже если окажется, что это меньший дар, чем Вы заслуживаете, все же я хочу вручить его Вам», — а именно он обещал «сорок всадников в полном вооружении» и почему-то уточнил при этом, что, как «говорят, снаряжение одного всадника стоит восемь марок золота». Войско всадников всё никак не приходило, и, по предложению Кнута, который уже был готов к отъезду, кузены пустились в путь. Когда они остановились на какой-то выбранной Магнусом лесной поляне, чтобы там ждать всадников, на Кнута и его людей напали выехавшие из леса воины. «Там пал Кнут Лавард, и так говорит большинство людей, что это Хейнрек Хромой поразил его оружием и нанес ему смертельный удар»¹⁸. Саксон знает об участии Хенрика в заговоре против Кнута, но непосредственным его убийцей называет самого Магнуса (XIII. 6. 9). Казалось бы, читатель саги должен вспомнить в этот момент о проклятии передаренных Кнутом Магнусу императорских одежд, ведь по логике этого рассказа получается, что Кнут навлекает на себя смерть, передарив подарок (одеяния) императора своему кузену Магнусу. Однако автор предлагает и свое объяснение: в рамках этого рассказа, соблюдая присущую сагам «эпическую объективность», он все же проговаривается, что знает и о замысле, и о том, кто за ним стоял: «Замысел принадлежал отцу с сыном — конунгу Никуласу и его сыну Магнусу», — говорится в саге¹⁹. Итак, дар Кнута своему кузену не выполнил традиционной функции прощального дара — он несколько не улучшил отношений двух претендентов на престол, а конец этих отношений оказался трагическим.

Подведем итоги. Как следует из «Саги о Кнютлингах», спектр представлений о прощальном даре в Исландии середины XIII в., времени ее записи, был весьма широк.

¹⁷ *Knýtl* 91: «*buðu þeir honum til sín um vetrinn til jólaveizlu [...] Skildu þeir frændr þá með enum mesta kærleik*» (Bjarni Guðnason 1982, 252).

¹⁸ *Knýtl* 92: «“Herra”, sagði hann, “þó at yðr verði smæri gjafir veittar en vert væri, þá vil ek þó minnaz uðar. Ek vil gefa yðr riddara fjóra tigu með öllum búnaði sínum, en þat er sagt, at einn riddara kostar átta merkr gulls sinn búnað”. [...] Þar fell Knútr lávarðr, ok er þat flestra manna sagn, at Heinrekr halti bæri vápn á hann ok veitti honum bana» (Bjarni Guðnason 1982, 252, 255).

¹⁹ *Knýtl* 92: «En þetta váru þó ráð þeirra feðga, Níkuláss konungs ok Magnúss, sonar hans» (Bjarni Guðnason 1982, 254).

Прощальный дар воспринимался как ответный дар хозяина за подарки, врученные ему гостем при встрече, как благодарность человеку более высокого социального положения за оказанную его визитом честь, как средство налаживания, укрепления либо сохранения дружественных отношений, как извинение за некое неблаговидное деяние в прошлом, как гарантия неких совместных планов, а также подтверждение дружбы и мира на будущее, как попытка предотвращения конфликтов. Язык даров был, вне сомнения, хорошо знаком средневековым исландцам, слушателям и читателям саг. Как следствие этого, использование автором саги ситуаций дарения дает ему возможность, сохранив мнимую объективность саги, выразить то, чего, в соответствии с канонами жанра, он знать не мог, а именно описать мысли своих героев, их надежды и планы.

Литература / References

- Althoff, G., Boytsov, M.A. (eds.) 2016: *Na yazyke darov. Pravila simvolicheskoy kommunikatsii v Evrope 1000–1700 gg.* [In the Language of Gifts. The Rules of Symbolic Communication in Europe (1000–1700)]. Transl. by M.A. Boytsov and M.V. Dmitriev. Moscow, 2016.
- Альхоф, Г., Бойцов, М.А. (ред.). *На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг.* Пер. М.А. Бойцова, М.В. Дмитриева. М.
- Andersson, Th.M. 2012: *The Partisan Muse in the Early Icelandic Sagas (1200–1250)*. Ithaca.
- Bjarni Guðnason (ed.) 1982: *Knýtlinga saga*. In: Bjarni Guðnason (ed.), *Danakonunga sögur. Skjöldunga saga. Knýtlinga saga. Ágrip af sögu Danakonunga*. (Íslenzk fornrit, XXXV). Reykjavík.
- Glazyrina, G.V., Jackson, T.N. 2013: [Friendly gift]. *Stratum plus* 5, 247–254.
- Глазырина, Г.В., Джаксон, Т.Н. Дар дружбы. *Stratum plus* 5, 247–254.
- Gurevich, A. Ya. 1984: *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. 2nd ed. Moscow.
- Гуревич, А.Я. *Категории средневековой культуры*. 2-е изд. М.
- Hope, S., Bjerregaard, M.M., Krag, A.H., Runge, M. (eds.) 2019: *Life and Cult of Cnut the Holy. The First Royal Saint of Denmark. Report from an Interdisciplinary Research Seminar in Odense. November 6th to 7th 2017*. Odense.
- Jackson, T.N. 2019: [Foreign policy contacts interpreted by Icelandic sagamen (marriage of Ingibjörg Haraldsdóttir and Knútr Lávarðr according to “Knýtlinga Saga”)]. *Elektronniy nauchno-obrazovatel'niy zhurnal “Istoriya”* [The E-Journal of Education and Science “History”] 10/9 (83). URL: <https://history.jes.su/s207987840006963-8-1/>; accessed on: 05.10.2020.
- Джаксон, Т.Н. Внешнеполитические контакты в трактовке авторов исландских саг (брак Ингибьёрг Харальдсдоттир и Кнута Лаварда по «Саге о Кнютлингах»). *ЭНОЖ «История»* 10/9 (83). URL: <https://history.jes.su/s207987840006963-8-1/>; дата обращения: 05.10.2020.
- Jackson, T.N. 2020: *Saga o Knyutlingakh: Perevod i kommentariy. Issledovaniya* [Knýtlinga Saga: Translation and Comments. Studies]. Saint Petersburg.
- Джаксон, Т.Н. *Сага о Кнютлингах: Перевод и комментарий. Исследования*. СПб.
- Mauss, M. 2011: [Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques]. In: M. Mauss, *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Proceedings of Social Anthropology]. Ed., transl. and commentary by A.B. Gofman. 2nd ed. Moscow, 134–285.
- Мосс, М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. В кн.: М. Мосс, *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. Сост., пер., пред., вступит. ст. и комментарии А.Б. Гофман. 2-е изд. М., 134–285.